

12+

Павел, тяжёлая нога.

Целитель

Павел, тяжёлая нога

Целитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67245704

SelfPub; 2022

Аннотация

Как не замкнуться в себе в сегодняшние времена? Как не отодвинуть от себя проблемы чужих людей? Да и вообще: что такое человек и общество, я и общество, я и другие "я"?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	8
Глава 3.	12
Глава 4.	15
Глава 5	19
Глава 6.	24
Глава 7	29

Павел, тяжёлая нога

Целитель

Глава 1.

Однажды вечером Мальчик решил пошалить, прогулявшись поздно вечером возле дома. Уж час, как его ждут внутри... Однако мелкий никак не мог понять, почему же запрещено ему и другим выходить на улицу позже шести часов вечера. Не смогший удерживать себя от любопытства, маленький герой всё-таки двинул в сторону выхода из дома ровно в 18:00.

Вечер ему казался волшебным. Мало людей, прекрасный свежий вечер. Милые и уютные улицы, на которых потихоньку начинают гореть огоньки. Всё было так хорошо, пока он не посмотрел в сторону метро...

Оттуда шла, снося всё на своём пути, толпа мёртвых взрослых. Глаза их были убитые. Цвета серого, если не чёрного окраса. Путавшиеся галстуки, прилипшие к подошвам. Разодранные сумки, словно в них ранее держали чудовищей пострашнее их хозяев. Словом, весь их вид напоминал не людей, но каких-то тварей из ужасных, страшных фильмов. Лишь посмотрев на них, Мальчик рванул в свой единственный уютный очаг; в квартиру, где вскоре должна была по-

явиться его мать, находящаяся в момент времени в толпе. Ему хотелось под свой тёплый пледик, твердо ожидавший своего хозяина возле кровати.

В квартиру начали заходить два существа. Мужчина и девушка. Каждые их движения – словно попытки со всей силой что-либо сломать, испортить, испоганить, изувечить. Чувствовалась издалека их внутренняя злоба.

Мальчик хотел было помочь своим старшим. Хотел, да было это зря: те лишь больше озлобились на него. Картинка мальчика, то есть его представление о мире, о людях и природе постоянно менялось. Как жаль, что родители не обращали на это ни единого внимания. Мальчика не обучали. Его оставили на край земли, где он так старался устоять. Устоять хотел, да вечно падал... Родители, родители... Они часто такие. Часто они смотрят на детей злобным взором, лишь их, взрослых, что-то не устроит. Печально, очень печально...

Надо сказать, что родители Мальчика покусились на самое человеческое, что было в нём. Они ругали его, когда тот старался им помочь. Разрушая его представления о мире, о зле и добре, родители медленно убивали своё дитя.

.....
Вскоре наступил новый день. Мальчик заметил, как собиралась его мама. Она по-доброму разговаривала по телефону, завтракала, периодически гладя кота. Кажется, всё было так прекрасно, пока не вышло это существо на работу...

Мальчик еле успел подойти к двери, дабы посмотреть на

свою родную мать через дверной глазок. Каким же был его ужас, когда он осознал – мама превратилась в тех же мертвецов. Окутанный страхом, Мальчик не решался вечером гулять.

Будучи в порыве эмоций Мальчик побежал к своим друзьям. Всего их на этаже было два. Первый – Александр, второй – Митька. Оба были дороги Мальчику. Митька был прост в своей жизни. Не обладал он изысканными мозгами или великолепной внешностью. Однако на словах он всегда был верен. Ему доверялись мы, доверялись ему и другие ребята. Будучи несколько пухлым, он привлекал к себе внимание добрых девочек. Эти девушки были не из тех, что в школе считались крутыми, нет. Обыкновенные девочки, способные составить счастье своей второй половинке.

Александр же по большей части был противоположной копией Митьки. Он был прям. Горд. Чужалось от него, пусть и невероятно маленькая, но всё же высокомерность. Что ж поделать, коль каждый человек человечен по-своему.

Мальчик всегда любил делиться своим друзьям заметками, которые он всегда записывал, будучи не дома. Они, как правило, были довольно короткими; не всегда имели смысл, но всегда были интересны по крайней мере Митьке. Врал он о своём интересе или нет было неизвестно. Другие же, как ни старались, редко находили интерес к заметкам Мальчика. Александр частенько молчал после пары предложений, в то время как Митька добрыми глазами одобрял эту некую при-

чуду Мальчика. Иногда даже обсуждал её вместе с ним.

К вечеру ребята разбежались по своим квартирам. Пора было встречать с работы не то полу-живых, не то полу-мёртвых родителей. Голодных, злобных, беспощадных и отчаявшихся.

Глава 2.

Стук-стук. Я сидел в своей комнате, ожидая родителей. Тоталитарный мужчина и беспомощная женщина. Комбинация не из хороших рядов. Комбинация типичной, скорее, к сожалению, русской семьи. Однако это доброе слово, семья, не стоит воспринимать как тепло в привычном для нас понимании. Семья – место исцеления души человека. Но как бы ни старался, ребёнок не мог исцелиться... Как он может это сделать, если родители потеряли хватку к жизни?

Стук-стук. Кажется, ключ был потерян. Я рванул к двери. Рванул моментально, словно став механичным. Рванул с нечеловеческим ускорением, ибо думал в те порывы лишь об одном: лишь бы родители не устраивали очередную порцию немых лекций, слепых взглядов и окаменелых ремней.

Как только два существа зашли, кожа медленно начала с них слезать. Куртки, сапоги, шапки. Да, верно, месяц ведь стоял над городом зимний. Он был не по-пушкинскому зимен. Зимен он был чей-то тяжёлой ногой. Словно огромный, снежный, грязный сапог ударил по городу.

.....
Следующие пару часов удалось продержаться без побоев, ссор и громких глупостей. Я, стараясь из-за всех сил, выполнял порученное мною задание, что был дан мне Мужчиной. Я должен был протереть везде пыль. Задание, пожалуй, для

взрослого вполне не сложное. Не сложное до той поры, пока за дело не возьмётся 12-летний пацан. За успешное выполнение в награду он мог получить на некоторое время планшет, ожидающий его с прошлого вечера.

За ужином каждый думал о чём-то своём. Женщина и Мужчина говорили о каких-то налогах, каких-то задолженностях. Вдруг, лишь потянувшись от усталости, я смахнул стеклянный свой стакан с водой.

– Зачем! Зачем ты это сделал?! Мы так с мамой устали. Так вымотались, еще и ты тут! Ну ломай дальше, мы же богатые... -

Я не смог отстоять на месте преступления, не смог сдержаться. Что-то громко крикнув, я побежал в свою комнату. Там меня нагнал Мужчина; вытащил ремень, начал творить справедливость... Впрочем, как после этого называть его мужчиной?

Во время “Справедливости” я узнал, что я, оказывается, отношусь к числу неудачников, что задание, которое я добросовестно выполнил, не выполнено совсем. Да, в такие моменты узнать о себе можно многое. Уж точно больше, чем ты знал о себя ранее.

Позже ко мне зашла убитая Мама. Мужчина встал, и мы обменялись с ней парой фраз. Я видел, как необходим был ей источник тепла. И этим теплом я всегда готов был стать, не смотря на то, как тяжело мне давалось жизнь в этой семье, в этих стенах. Именно поэтому я и обнял маму, поэтому я

сказал ей пару добрых слов. Искренне, тепло обнял.

– Как ты? – спросил я.

– Это не важно. Важно то, как поживают твои дела-

– Я люблю тебя -

– И я тебя -

Позже, ближе к вечеру, собрались все мы. Я, Александр и Митька. Сели на ковёр, словно в середине был костёр, словно мы участники какого-то конкурса.

Все мы, как оказалось, в той или иной степени “получили” от своих родителей. После того, как я первый (а по обычаю я всегда начинаю рассказы) рассказал своё сегодняшнее приключение, начал прерывным голосом говорить Митька. Было заметно, что совсем не давно его тело всхлипывало, словно по нему периодически бил ток. Глаза его были красные. Эти скромные глаза с большими зрачками... Красные глаза...

– Сегодня – начал он говорить – Я почти весь день готовил родителям сюрприз. У них сегодня годовщина. 15 лет вместе. Но лишь они успели зайти в квартиру, как я был жестоко обруган родителями. Я не понимаю, почему, что происходит с моей жизнью... Отец сказал что-то вроде “Зачем ты напомнил об этом?!” и “не суй свой нос в чужое дело!”. Так и прошел сегодня мой день. -

К концу рассказа со стороны Александра подул холодный ветер. Кажись, скоро и его черёд.

– Я совершенно не соглашусь. День сегодня был типич-

ным. Сделай одно, второе, и дальше ты свободен. Даже близко я не понимаю, кой чёрт вам постоянно думать об этом. Известно ведь, что куда положит свой глаз разум человека, то вскоре начнёт портиться. Я всё сказал, что хотел!”

Я собирался было спорить со своим приятелем. Терпеливо ждал... ждал... Пока не донесся мне его последнее предложение. Действительно ведь... Как разрушительен бывает разум. В порыве интереса я выкрикнул ему:

– Эй, а как же быть с эмоциями? –

– Какие эмоции? Эмоции делают человека слабым... –

– Нет! –

– ... и потому не стоит их кому-то показывать... –

–... Врешь всё! –

– Ты бы лучше его послушал – Сказал вдруг Митька. Митька, самый близкий для меня человек. Не мог же он так сразу обернуться против меня...

– Подумай... – продолжил он – Ведь эмоции и тебе, и мне так сильно мешают. Приняли бы решение мы стать таким же, как Александр, столько могло бы быть спасено... Столькое.... –

Я не смог ответить. Слишком муторно разбираться во всём этом. Слишком сложно даже представить, как я думаю об этом. Слишком всё... слишком много... слишком...

Глава 3.

Многие бы после таких разговоров пошли спать. Однако мои планы много отличались от планов большинства.

Мужчина с Мамой должны были уже спать, но Мальчик, как ни странно, спускался вниз. Этаж нулевой – здесь спала консьержка. Мальчик медленно обошёл это сонное царство, и отправился на этаж ниже.

Открыл двери. Повернул направо. Пять шагов. Лево. Снова дверь. Вниз и снова вниз. Так я и добрался до моего единственного мета, где чувствовал я себя не потерянным, не злым. Единственное место, где я сказал бы “Я дома”...

Комната была довольно сыра. Всё-таки это был подвал дома. Здесь, опираясь об стены, сидели бездомные. Пространства не так уж и много, поэтому всего их было человек восемь. Освещение было совсем не яркое. Царила темнота, и лишь небольшой поток света из коридора спасал от полной неспособности зрений. Несколько луж, что постоянно пополнялись медленными каплями с потолка. Посередине комнаты находилось нечто большое. Нечто дорогое. Пианино. Инструмент, на котором играл он, наш Мальчик.

Тогда он еще не понимал, почему бездомные не продают пианино. Ведь хозяева инструмента о нём давно уже забыли. Можно было получить за него крупную сумму. Однако, судя по всему, не цена этого инструмента волновала бездомных.

Кто-то уж давно еще оставил здесь прекрасное творение человеческих рук и уехал. Невероятное пианино... Невероятно оно тем, что умело спасать души людей.

Мальчик подошел к нему. Вслед за этим несколько бездомных, тех, что сидели вдаль, приблизились. Все сформировали некий круг возле Мальчика. Кто-то ближе к инструменту, кто чуть дальше. Кто опирался об каменный столб, кто и вовсе стоял ближе к тени, к углу комнаты. Но и те – умолкли. Бездомные сидели, слушали, думали, представляли, плакали, смеялись. Инструмент уникальный. Как бы к нему никто не относился, но была у всех одна черта: все были привязаны к нему, как к частичке себя. Вот и стоял он тут, без попытки быть проданным.

Надо добавить, что и Мальчик не смог бы играть без бездомных. Пианино без них утратило бы свою идею, свою “миссию”. Бездомные словно магическими силами передавали ему тяжёлые жизненные истории, страдания, счастья, предательства... Мальчику не надо было говорить с ними, ведь они сами разговаривали с ним через клавиши, и он чувствовал каждую эмоцию, каждый плач, любой изгиб души.

О походах на отрицательные номера этажей Мужчина с Мамой не догадывались. У Мальчика и в мыслях не было поддаться и рассказать. Возможно, он бы и рассказал, если бы не бездомные, так нуждающиеся в исцелении. Там у них есть покой, и Мальчик не смог бы предать их, сказав о них взрослым.

Товарищи его, параллельно, так же старались тратить свои силы во благо других. Две наши крайности: Митька да Александр...

Митька, пока Мальчик играл внизу на пианино, решил подбодрить своего брата. Он тщательно слушал, записывал ноты своего брата, дабы понять его и помочь. Всё бы ничего, да только Митька совсем не справлялся с рассказом брата и начал искренне рыдать, обнимая его. Не знаю, пусть читатель сам определит, помог ли таким образом приятель Мальчика своему мелкому брату.

Отправимся мы к Александру, у которого тоже были родные... нет, не братья. Родные сёстры. Два маленьких чуда. Обе подошли к своему старшему брату за помощью. Они, как это часто бывает у девочек, заморочились по какой-то ерунде. Брат их выслушал, однако... На большее он и не был способен. Он не мог помочь, так как не видел саму проблему. Хладнокровное его сердце так и мутнило его рассудок.

Получилось несколько интересная модель: Плакал Митька, его брат – нет. Плакали сёстры Александра, сам он – нет. На том и закончим.

Глава 4.

После очередного типичного дня, состояние Александра стало близко похожим на состояние Мужчины и Мамы. Он почти перестал разговаривать. Часто стал срываться. Чаще выходил он гулять. Чаще возвращался полу-мёртвым. Словно всё его белое, доброе начало становилось цветом иным. Сложно этот цвет описать. Нечто кровавое и беспощадное. Тухлый, мокрый, грязный красный цвет. А может и вовсе грязно-чёрный.

Митька, как и Мальчик, начинали готовиться на сбор владельцев квартир. Установлено было правило, что раз в месяц всех собирают в одну длинную линию и забирают у каждого часть денег на газ, электричество...

Было девять часов утра. То время, что ненавистно работающим людям и прекрасно свободным. Девять часов.

Без пятнадцати девять сформировался поток бесконечных конечностей. Все мы, спустившись, выстроились в длинный, словно гусеница, ряд. Перед нами появилось человеческое лицо.

– Сбор торжественно начинается! Наш человек N соберёт ваши средства во имя поддержания жизнедеятельности вашего блока квартир. Прошу не слишком тормозить –

Первая, по традиции, в казну сыпала свои сбережения консьержка. После неё уж и остальные.

Собиратель N тем временем, и это было видно всем, ехидно улыбался. Такой уж был его тип человека. Собиратели, они такие. Улыбаются либо их чёрным началом, либо уж скрытностью печали.

– Господин, за такое количество потраченной энергии вам следует уплатить... -

– Благодарю, ваше высочество –

Так и встречался он одним за другим. После того, как я отдал свои деньги, настала очередь Митьки. Митька торжественно, хотя, скорее, больше смущаясь, передал денег в два раза больше, чем ему следовало. Каждый раз я спрашиваю, почему он так поступил и в этот раз? Почему он в принципе так делает? Ответ был всегда один: “я верю, что они помогут кому-нибудь. Верю, что деньги пойдут на благотворительность. Куда угодно, лишь бы утоляя чью-то нужду”...

Александр уже заранее достал свои купюры и заплатил в той самой секунде, когда N с чемоданом к нему повернулся. После таких резких движений N несколько перепугался, хоть и был готов к такому. Эти холодные александровские глаза... Этот его внутренний тон...

Спустя минут пять люди стали расходиться. Кто-то на улицу, кто-то снова к себе в квартиру. Событие это не слишком долго продолжалось. Комиссия по сборам грозными голосами и ужасными мордами приказали всем снова собраться.

– Цифры говорят о том, что кто-то не доплатил свою нуж-

ную сумму. Кто-то из вас заплатил меньше, чем следовало бы. Просим виновника признаться в содеянном, и мы простим это, приняв за небрежность и невнимательность. Второй ступеней станет четвертование пальцев. –

После таких слов каждого одолел ужас. Такой страх, когда ты понимаешь: с тобой сотворить могут что угодно, несмотря на то, что не ты был нарушителем.

Начальник медленно, цenia каждый свой шаг, начал проходить промеж людей. Очередь дошла и до меня, однако ни мне, ни Митьке не стоит напрасно волноваться. Ведь мы добровольно согласились на уплату.

– Что я вам сказал! Почему виновный не признаётся! Если прямо сейчас шаг вперед никто не сделает, мы поднимем ставку на 10 процентов! Кому это надо? Никому. Так пусть же этот неприятель наш даст о себе знать! –

– Десять, девять... – А что, если никто не выйдет?

– Восемь, семь... – Он блефует, точно блефует.

– Шесть, пять... – Кто же мог это быть? Может...

– четыре, три... – Нет, так нельзя, нельзя!

– два, один... -

– Я... – я тяжело отдышался, словно остановился после долгого марафона – Это был я, товарищи... -

Никто мне не стал отвечать. Возможно, так, как они смотрели на меня, было более чем достаточно. Да, такова природа у человека. Изгоев всегда убирали с лица земли.

Бедолага Митька, уж после того, как все разбежались, бук-

важно готов был встать на колени перед Мальчиком.

– Ты чего это вдруг? –

– Прости меня, Мальчик, прости, друг... Так сильно хотел я взять всё на себя, но не хватило воли.

– Не страшно –

Александр же тем временем уже был в своей квартире, вдали ото всех...

.....
К вечеру снова пришли *они*, люди северных работ. Какое же сожаление было у искреннего Мальчика, что консьержка рассказала родителям его выходки, его дополнительный взнос за чужого. Добравшись домой и не успев снять гуляльную одежду, они начали кричать на мелкое создание.

– Зачем! Мы не виноваты, что ты... Кто ты такое, чтобы... Я в твоём возрасте... Идиот просто сплошной... – Похожих фраз было предостаточно. Мальчик был вынужден стоять, словно мёртвая статуя, слушая и слушая, слушая и слушая. Слова всё появлялись, появлялись... Он чувствовал себя, словно в землях ада, где невероятно горячий ветер бьёт человека по морде. По морде били его и на земле. Били как в прямом, так и в переносном смысле. Страшно это. Страшно. Справедливо? Что такое справедливость, покуда осуществляет его Человек.

.....

Глава 5

Настал четвёртый день странствования духов человеческих созданий. Последний рабочий. Не первый выходной.

Утром Мальчик спустился дабы погулять. На пути он увидел толпу людей, пытающихся ворваться в комнату консьержки. Из криков удалось понять, что этим людям сильно не понравились вчерашние сборы.

– Не моя эта вина, не моя! – Пыталась вразумить консьержка взвѣрованных людей. Люди эти не слышали её. В таком состоянии человек не только не слышит, но и, порою, даже не видит происходящее.

– Выходи, зараза такая, что это ты себе позволяешь! – все повторяли и повторяли людишки. Казалось бы, они на стороне Мальчика, ведь именно он уплатил лишние сотни. Но помогало ли Мальчику все эти крики, вся эта вонь и слепота рассудков? Он, лишь бы его не заметили, пробежал рядом, спрятав своё лицо капюшоном от куртки. Пронесло...

Гуляя, он обратил внимание на одну девчонку. Она проходила мимо цветов, нежно трогая их, словно они – её родные дети. Родные, да не такие уж и родные... Цветы эти были серы, как дома, и раздроблены, как порошок. Серы они были до прикосновения с её белыми, чистыми пальцами рук.

Я решил приблизиться к ней. Вроде это было моё собственное желание, но чувствовал я тогда наверняка: и сама

жизнь брала меня за руку и медленно тянула, словно ребёнок, меня к ней. К ней, к этой девочке.

Она проходила рядом с мертвыми цветами. Мертвыми из-за гигантских людских ступней, не жаждущих мира при перемещении человеческих тел. Каждый её шаг будто вселял кусочки жизни в цветы, да и во всю зелень, мимо которой она проходила. Бледные, холодные снаружи и теплые внутри кусочки жизни.

Простые глаза, что не знают зла или обид. Не менее простые, тонкие руки, что не смеют вредить, но способны творить жизнь. Средний рост, белые, поражающие своей прямой волосы. Девушка эта не искала свою красоту, как делали это многие. Вместо этого, сама красота искала её при её походке, вздохе, взгляде. Не была она идеальна, ибо при идеальности нет поводов любить.

Любовь не знает имён, за сим обратимся мы к ней достаточно просто: Девочка. Видел я её в первые, поэтому, в отличии от других, не знал, как к ней обратиться, что сказать, да и в целом: как быть? Момент может потеряться раз и навсегда. Судьба может дать тебе шанс, а потом сразу же его у тебя забрать, если ты не будешь достаточно откровенен, не будешь жаждать поданного с небес шанса.

Близко. Совсем близко. Мы взглянули друг на друга и разошлись... Несмотря на её природную красоту и простоту, в её глазах, (и Мальчик не мог этого не заметить), виднелся страх, отчаяние, грусть. Добрых сегодня часто прибывают к

стене, словно молотком по гвоздям. Прибивают и заставляют вечно чувствовать свою немощность на деревянной стене.

Печальна эта сцена и тем, что не скрывает она человеческого греха: мы постоянно думаем за чужих, приписываем им ошибки, глупые мотивы... Делаем всё, лишь бы ровным голосом сказать: ты не прав, ты ошибся, а также ты – никто.

Возможно, не хватало лишь одного слова, лишь одного, и мир бы изменился для каждого из них. Но нет... Первый шаг всегда сложнее. Всегда. Второй – еще хуже.

.....
По возвращении в дом, я заметил Александр. Он курил, смотря куда-то далеко, в даль, как любят смотреть типичные курильщики. Я подошёл к нему.

– Александр. –

– Приветствую-

– Привет... – Настал тот момент, который всем ненавиден.

Момент тишины, что показывает немощность текущего разговора. Ты словно еще пару секунд назад видел множество проходов, и вдруг перед тобой одна лишь бетонная стена. Вечная, бетонная.

Я заметил, как он начал меньше делиться своим. Не секрет: и кожа его побледнела. Я не знал почему, не знал, как такое произошло. Не знал обидчиков, если таковые есть. Знал лишь одно: придут скоро домой после своих “дел”, заполняя тёмным туманом пустеющие квартиры, они, родители.

– Иди, посмотри, что там этакое делается – Единственную

законченную мысль сказал мне Александр. Я пошёл в сторону входа, всё лучше и лучше слыша крики первого этажа.

– Нельзя так, нельзя! – безрезультативно слышался голос девушки. Этот голос то становился слабее, то развивал свой тембр, частоту и амплитуду.

Я подошёл ближе. Встал так, чтобы меня было не просто заметить, и, одновременно, чтобы я мог видеть происходящее.

Возле вахтёрской комнаты стояли мужчины, девушки, собаки и дети. Жижа из человеческих конечностей все распространялась, всё пополнялась и размножалась. Сложно было найти себе покой. Однако...

– Я увидел, да, увидел!.. Эта ведь та самая девушка! – Тихо прошипел Мальчик сам себе. Белый тонкий фартук, который на ней смотрелся длинным платьем. Красные кроссовки, напоминающие прелестные туфли. Ах, как ведь великолепно смотреть на красоту, зная, что именно твой взгляд сотворяет её таковой. Как ведь великолепно, как великолепно...

Между тем Девочка всё важилась и важилась всех вразумить. Но был ли хоть один человек на этом континенте, кто со всею серьёзностью выслушал бы простую девочку в фартуке? Жизнь часто нема и слишком уж по-своему справедлива.

Ближе к вечеру, когда все разошлись, в середине стояла она. Я решился подойти.

Мы обменялись приветствием.

– Ты тоже ждешь родителей? – спросил я.

– Нет. Мне некого ждать... – После этих слов она опустила вниз свою голову. Кап-Кап. Две крошечных кристаллика упали на землю. После кристалла тяжёлой древесинной потопала она к себе...

После такой сцены мало хочется писать. Время идёт и идёт, и лишь оно способно показать тебе, чего бы тебе на самом деле стоило ценить. Где были ошибки, где... Где было всё то, что составляло счастье. Да, детям, порою, приходится размышлять глубже некоторых взрослых. Да и в самом деле, что такое возраст? Лишь количество времени, проведенное на земле. Все бы использовали это время одинаково... Но нет. Каждый по-своему относится к окружающим его миру и миру внутреннему. Каждый по-своему рыцарь и по-своему дракон. Тем не менее, надо продолжать рассказ.

Глава 6.

Пятый день Мальчика не описать финальным образом. Утром, лишь родители разошлись по своим уголкам планеты, он пошел к Митьке. Давно он его не видел. Тот же этаж, но разные хозяева. Надо бы добавить, и с Митькиными родителями несдобровать.

– Выйдет он скоро, выйдет, а ну пшш от двери! – сказала хозяйка и тут же захлопнула дверь.

Через пару минут, наконец, появился и сам Митька. Так совпало, что и Александр проходил мимо. Вот мы и решили снова сыграть партию, как в бывалые времена.

– Погнали? –

– Погнали...

– Идём.-

Игру в карты мы тогда выбирали самые простые. Чаще всего – игра в дурака. Классика. По крайней мере для ребят.

Туз. Валет. Шестерка. Бито. Пропуск...

Мы несколько заигрались. Параллельно каждый думал о своём, о том, что внутри, пусть даже и каменного их вида. Никто, собственно, не смел вслух говорить о своих бедах. Никто не упоминал случай с плательщиками. Все не на шутку сомкнулись в себе. А за замыканием в себе, как говорят: холодны стали их сердца.

После игр мы тут же разошлись, не смотря на желание

каждого побольше быть друг рядом с другом. Их души сейчас страдали, однако их человеческое “я” не позволяло проявлять страх, грусть перед старыми товарищами. В этом наверняка и заключается проблема человеческого бытия. Порою нам сложно открыться другим. Ведь, открываясь, мы ставим под угрозу свой внутренний мир. А, соответственно, и внешний. Происходят поломки, которые не получится починить ни у единого мастера.

В этот день я не решался покинуть квартиру – После всех недовольств и ссор я чувствовал себя больным. Словно моя температура не велика, однако, наоборот, невероятно холодна. Но холодный был не тот, нет. Он старался сохранить огонь, тепло, пока жизнь буквально обдувала его со всех сторон.

Я тогда лежал, читал книжку, размышлял. Я старался любым способом занять свои мысли чём-то другим, отличным от моих проблем. Подумал я так же о посещении театра, музея. А может просто пройтись под надвигающимся дождем?

После некоторых раздумий я решился сыграть в подвале на тёмном пианино.

Когда я спускался вниз, я и не предполагал, что увижу там. На моём месте, в той самой сырой комнате промеж бездомных на пианино играла Девочка...

В ту минуту я не был уверен, как мне стоит отреагировать на это и стоит ли вообще обращать на это своё внимание. Как бы не так, но мелодия, эта волшебная мелодия, так

она успокаивала мой внутренний ритм мыслей. Моё сердце несколько сокращало своё сердцебиение. Пульс мой начинал подстраиваться, словно под мелодию. Я не смел отвлекать её от успокаивающей игры на пианино. Я сел рядом с бездомными.

– Красиво? – спросил, или же всё-таки настоял он.

– Красиво – Ответил я.

После нескольких минут я не удержался и сел рядом с Девочкой. Наши души словно соединились под оком пианино. Мы играли вместе, на одном инструменте, так, словно играли мелодию эту уж не первую сотню раз.

Прощаясь, мы оба не смели смотреть друг друга в глаза. Мы боялись спугнуть счастье перед несчастными квартирами.

Спустя пол часа я уже был дома, ожидая прихода больных и уставших родителей. Всегда такое ожидание страшило меня. Я никогда не был уверен, как именно стоит мне вести себя, дабы не обозлить двух взрослых человека.

Звонок в дверь. Открыл. Пакет из магазина. Забрал. Тяжёлые куртки. Повесил.

Так в большую часть времени и происходило. Родители медленно приходили в себя, пока Мальчик разбирал пакеты. Он так любил одни печенья, эти овсяные печенья, что, не думая, всегда брал их и начинал пожирать их своим маленьким ртом одну за другой.

Так он сделал и в этот раз. Возможно, несколько потом

жалея...

Спустя всего каких-то пять минут родители поменяли свои добрые намерения на злобу и неприязнь. Печенья им нужны были для похода в гости. С пустыми руками не проскачешь в эти дни без упрека от гостей.

Мужчина тогда глубже ушёл в себя. Он посмотрел на меня грозным взглядом, словно я – причина любой неудачи. Словно я – причина всех неприятностей.

После взгляда на меня пришли боксерские удары. Мама закричала и сбежала. Куда? Неизвестно. Возможно, за лучшей жизнью. Сложно принять такую реальность...

Я не понимал, что именно злит моих родителей. Не понимал, почему они так закрывались от меня. Эх, если бы только люди умели со стороны глядеть на ситуацию, словно они читают какую-то книгу... Они бы подметили, что дети – единственное лекарство от всех бед. Они бы заметили, что именно дети внимательно выслушают всё, что они скажут, пусть и не поймут многое. Они бы осознали, что только дети способны быть верными, как собаки. Дети, они такие. В какой эмоциональной обстановке родились, в такой, в будущем, и пригодятся. Дети, они такие. Они – целители.

.....
Теперь уж, после не первой ссоры, родители закрылись от своего ребенка. С ним они старались веселиться, не смотря на внутреннюю грусть, печаль, доли отчаяния. Казалось бы, всё хорошо. Но не так стоит растить своих детей. Дети долж-

ны *почувствовать* жизнь. Вздохнуть её, пока еще есть такая возможность. Да, жизнь, это еще и падения, а порою и вовсе смертные приговоры. Но кто бы был человек без этого? Уж точно не человеком, в привычном для нас понимании. Ведь человек – это сплошные краски эмоциональных передвижений.

Нет, и всё-таки нет: нельзя слишком отдалить отчаяние от ребёнка. Нельзя строить на его глазах идеальный мир. Ребёнок должен жить, а не существовать.

Глава 7

Перед концом всегда вспоминаешь моменты своей жизни. Перед концом человек по-настоящему начинает видеть жизнь. Её образ приходит за душой умершего, дабы отнестись наверх, ближе к небу, к белым облакам.

К концу недели разногласия в многоэтажной серой, прочной коробке лишь усилились. Гневались не только люди, но и их домашние псы. Коты же старались царапать лица людей. В рамках дома ситуация походила на войну. Она и была бы войной, коль не правила вышестоящих, запрещающие уж совсем немислимые поступки.

Казалось, вот-вот, и совершится эмоциональный срыв большой массы людей. Меня это начало беспокоить. Мне так требовалось побыть одному... Я чувствовал, как что-то приближается. Что скоро наступит тот самый раз.

Я пошел в сторону метро, как я обычно и делал, чтобы погулять на Мостовой. Сел в вагон. Во взглядах этих людей, что окружали меня в вагоне, было словно нагажено, и я это отчётливо понимал. Все в лицах были страшны, неприятны и злобны. Однако каждый вставал, уступая место людям старческих. Более того, тёмные люди всегда улыбались им. Значит, народ хотел поддерживать падающих людей. Эта мысль грело моё слабое сердце.

.....

По возвращении Мальчик увидел ужасную сцену. Все жители стояли, словно не зная не только, куда пойти, чем заняться, но и то, живи ли они вообще.

Картина не взволновала бы его, если не один факт: По середине, в центре, в толпе неудачников и совершенно замкнутых в себе людей стояло оно, пианино.

Не поверив своим глазам, Мальчик побежал в сторону дома.

– Быстрее, лишь бы быстрее!... – Подгонял он себя.

Спустя несколько минут он, наконец, встал перед толпой. Медленно, Мальчик начал искать свой путь к пианино. Путь был не из лёгких, ведь не была видна цель (ибо загорожено было пианино человеческими телами), да и вообще, мало что было известно. Такая ведь наша жизнь. Жизнь поэтов. Жизнь тех, кто неспособен не мыслить.

Шаг за шагом, мальчик двигался, будуче всё глубже и глубже в полу-чёрной толпе. Новые мысли не атаковали больше его, так как настроен он был более, чем серьезно: он *обязан* был найти увидевшее ранее пианино.

Он услышал пение. Он услышал, как девушка пела где-то здесь, рядом с ним, но так далеко от него. Прекрасный голос, прекрасные длинные, прямые, белые волосы. Лишь только Девочка завершила своё действие, между ней и Мальчиком открылся прямой вид друг на друга. Пару тел отошли, дабы дать двум калекам судьбы соединиться.

Секунда одна, секунда вторая. Два человека стояли, буд-

то лишаясь от счастья возможности передвигаться. Однако дело их на этом не было закончено. Мальчик быстро сел за появившемся рядом пианино, в то время как Девушка принялась напевать меланхолическую мелодию. Они оба знали, что именно стоит сыграть в последний раз...

Мелодия начала вызывать у толпы людей какие-то чувства. Кто-то начал улыбаться, кто-то еще более грустить. Ведь играла мелодия, звучал голос. Люди начали видеть всё другими красками. Мир стал иным.

Александр заплакал. Он, в своё время, лишился любви от своих родителей...

Митька счастливо обнимал своих родителей, которые в своё время проигнорировали любовь своего ребенка.

И играла музыка, и содрогался перед ней серый мир людских забот. Взрослые проблемы нашли свои объяснения. И исцелялся каждый, исцелялись души, которые открывались, выпуская в себя эмоции тех, кто был рядом. Люди стали любить друг друга, ценить. Одним словом: жить.

.....
Я стоял тогда у подножия ступеней, ведущих к большому пруду. Семь, может, восемь часов вечера. Легкий, приятный на ощупь ветерок расправлял мои волосы. Рядом она...

Мы стояли, словно между нами непробиваемое стекло, словно мы беспомощны перед ним. Хотя, впрочем, какие это беспомощные?

Мальчик обнял девушку. Их тени совместились так, как

совмещаются люди один раз и на всю жизнь. Озеро, красивый закат, блестящая вода, добрые люди, не смеющие смотреть, тем самым не мешая двум героям.

Он, и она

Смотря друг другу в глаза...

Примечание:

Позже Мальчик, потеряв где-то в подвале бездомных, узнал, что именно они и принесли на основной этаж пианино, дабы Мальчик смог исцелить других, как и бездомных в своё время. Они ушли вдаль, завершив свою миссию. Ушли куда-то далеко, ища при этом замыкающиеся в себе дома. Ушли на совсем, не имея в голове и мысли возвратится.

Александр наконец, пусть и рыдая, пусть через силу, но рассказал друзьям свои проблемы. Оказалось, у самого закрывавшегося от других самые серьезные проблемы.

Митька нашел общий язык со своими родителями. А мальчик... А зачем говорить о Мальчике, коль нашел он свою Девочку. Тут всё ясно и без лишних слов.

Любовь.